

УДК 1:(323.2+327.8):316.7

DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a40.hqbunf>

EDN: <https://elibrary.ru/HQBUNF>

Технологии «мягкой силы» в реалиях цифровизации: социально-философский анализ

Н. Н. Равочкин¹✉, В. И. Красиков²

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹ Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкова,
г. Кемерово, Россия

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Россия

✉ nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции социальной философии авторы рассматривают технологии «мягкой силы» в реалиях цифровизации. *Актуальность темы исследования* определяется тем, что в эпоху информационного перенасыщения соревнование за внимание и симпатии глобальной аудитории выходит на первый план. «Мягкая сила» в цифровую эпоху всё чаще пересекается с методами киберопераций, дипфейками и манипуляциями, требуя переосмысления границ между привлечением и принуждением. *Научная новизна* обусловлена переходом от описания инструментов цифровой «мягкой силы» к анализу ее сути и факторов проявления в современном мире. *Методология исследования:* феномен «мягкой силы» не может быть адекватно изучен исходя из одного методологического принципа, это явление полифункциональное и многофакторное, поэтому его изучение основано на системном подходе — на синтезе структурно-функционального анализа и диалектического метода. *Основной результат исследования* заключается в утверждении, что понятие «мягкой силы», предложенное американским политологом Дж. Наем (Joseph Samuel Nye Jr.) в конце XX в., подразумевает способность государства добиваться своих целей за счет привлекательности культуры, политических идеалов и программ, а не путем принуждения или финансовых посулов. Определены магистральные направления использования «мягкой силы» в современном мире.

Ключевые слова: «мягкая сила», цифровизация, глобальная аудитория, государство, политика, ценность, влияние, общество, практики, норма

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Красиков В. И. «Технологии „мягкой силы“ в реалиях цифровизации: социально-философский анализ». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m03s02a40.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a40.hqbunf> EDN: HQBUNF.

Original article

Soft power technologies in the digitalization realities: A socio-philosophical analysis

N. N. Ravochkin¹ ✉, V. I. Krasikov²

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹ Kuzbass State Agricultural University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

² All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

✉ nickravochkin@mail.ru

Abstract. From the perspective of social philosophy, the authors consider soft power technologies in the digitalization realities. The research theme *relevance* is determined by the fact that in the era of information saturation, competition for the attention and sympathy of a global audience comes to the fore. Soft power in the digital age is increasingly intersecting with methods of cyber operations, deepfakes and manipulation, requiring a rethink of the boundaries between attraction and coercion. The *scientific novelty* is conditioned by the transition from describing the tools of digital soft power to analyzing its essence and the factors of its manifestation in the modern world. *Research methodology:* the phenomenon of soft power cannot be adequately studied based on a single methodological principle, this phenomenon is multifunctional and multifactorial, and therefore its study is based on a systemic approach — on the synthesis of structural and functional analysis and the dialectical method. The *main research result* is the assertion that the concept of soft power proposed by the American political scientist Joseph Nye at the end of 20th century implies the government ability to achieve its goals through the attractiveness of culture, political ideals and programs, and not through coercion or financial promises. The fundamental directions of using soft power in the modern world have been identified.

Keywords: soft power, digitalization, global audience, government, politics, value, influence, society, practices, norm

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Ravochkin N. N., Krasikov V. I. “Soft Power Technologies in the Digitalization Realities: A Socio-Philosophical Analysis”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 13.2 (2026): m03s02a40. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a40.hqbnf>

Введение

Ненасильственные методы влияния, или методы «мягкой силы», обретают свою актуальность в постмодернистских реалиях. Понятие «мягкой силы» введено в оборот политическим деятелем и ученым Дж. Наем (Joseph Samuel Nye Jr.). В самом общем виде данным термином названа форма политической власти, которая предполагает способ-

ность и возможность социальных (и в частности политических) институтов добиваться желаемых результатов за счет участия в них граждан на добровольной основе, симпатии и привлекательности. Подобное понимание контрастирует с трактовкой феномена «жесткой силы», суть которой состоит в различного рода принуждении. Представленная концепция сразу после ее введения в научный

© Равочкин Н. Н., Красиков В. И.

оборот вызвала бурную критику со стороны как политического сообщества, так и научно-го, что обуславливается рядом причин. Среди них центральной причиной имеет смысл считать позицию ученых, согласно которой в представленной концепции нет ничего принципиально нового, поскольку в той или иной степени политические субъекты применяют «мягкую силу». Вместе с тем существенным оказывается состояние эйфории в США, опосредованное «концом истории», в период после окончания противостояния между двумя блоками — НАТО и ОВД (Лебедева, 2017).

Однако в начале XXI в. в ходе ряда событий, в том числе террористических актов 11 сентября 2001 г., принципиально встал вопрос о выстраивании отношений между США и странами арабского мира, исключая физический (силовой) принцип влияния. Позднее к подобному подходу присоединились и Россия, и ряд других стран, для которых «мягкая сила» представляет собой значимый и весомый способ влияния на участников международного политического процесса (Наумов, Белоусова, 2022).

Многоликость «мягкой силы»

Джозеф Най не дает однозначного определения «мягкой силе», но при этом привлекательность полагается им в качестве фундаментального принципа, а именно: не важно, сколько врагов убил тот или иной человек, но значимо, сколько друзей он приобрел. Предполагается, что традиционное понимание политического лидера состоит в том, что этот политический субъект пользуется, по сути, прямыми силовыми методами реализации властных полномочий: он «физически продавлиывает» желанные для него решения. Однако сущность «мягкой силы» определяется в первую очередь тем, что политический лидер получает желаемое без применения угроз или подкупа. О. Г. Леонова высказывает идею: «Страна может получить необхо-

димые ей результаты в мировой политике уже только потому, что другие страны, восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости, желают следовать ее примеру» (Леонова, 2018: 1: 102).

По своему содержанию «мягкая сила» есть феномен, позволяющий сделать привлекательным некоторый образ, следование которому воспринимается как желанное, вожденное. Рассматриваемый тип власти можно определить через способность формирования предпочтений других индивидов, так или иначе сопряженных через нематериальные активы, под которыми мы понимаем харизму, аксиологические конструкты и структуры, связанные с властью, а также саму политику, обладающую свойствами легитимности и моральной авторитетности. Содержательно мы видим, что феномен «мягкой силы» определяется наличием трех важнейших элементов: знание — эмоции — действия. Внешние, выраженные в рациональной форме способы влияния основаны на грубой силе, внешнем принуждении, что требует существенных финансовых вливаний и порой не приводит к желаемому эффекту. Практика реализации «мягкой силы» отныне оказывается более эффективной благодаря именно эмоциональному (говоря шире, ценностному) влиянию со стороны источника властных отношений.

Идеи привлекательности и дружелюбности становятся основанием деятельности политических акторов, направленной на помощь в достижении общих целей. Механизм такой деятельности связывается с формированием в субъекте, на который вы оказываете влияние, потребности помочь вам в достижении того, чего вы хотите. Представленный метод позволяет полностью исключить силовые способы решения проблем и заменить их эффектом привлекательности. Так, экономическая помощь и миротворчество оказываются ценным основанием для

формирования позитивного образа государства на международной арене, что фундирует применение «мягкой силы» в условиях современного международного политического процесса (Леонова, 2018). Кроме того, механизм реализации данного феномена связывается учеными со способностью государств создавать нормативное измерение на международном уровне. Речь идет о законах и правилах, которые позволяют стране реализовывать ее национальные цели и учитывать потребности граждан, что в конечном счете приводит к привлечению политических акторов. Аналогичный механизм работает при следовании государств определенным правилам, которые позволяют стимулировать других участников международных отношений действовать в обозначенном «русле». Поэтому имеет смысл говорить, что содержательно «мягкая сила» предполагает использование принципа привлекательности в разных областях — от политики, культуры до сфер образования и ценностного измерения коллективного (в частности политического) бытия в различных государственных институтах.

Широко распространен подход, согласно которому «мягкая сила» отождествляется с пропагандой. В самом общем виде понятие пропаганды имеет негативную коннотацию, что делает возможным перенести это отношение на восприятие понятия «мягкой силы». Вместе с тем следует напомнить, что «мягкая сила» категоризируется через принцип привлекательности. Пропаганда, наоборот, далеко не всегда базируется на привлекательности. В таком ракурсе достаточно четко проявляются неолиберальный подход к международным отношениям и реалистская установка, транслируемая большинством современных исследователей политических процессов. Дж. Най, отстаивая трактовку введенного им понятия, уточняет, что «мягкая сила» базируется на дипломатии негосударственных участников политического процесса, что делает обозначаемый им социальный феномен принципиально

отличным от пропаганды как формы политических процессов (Леонова, 2018).

«Мягкая сила» может реализовываться за счет ресурсов абсолютно разных областей коллективного бытия, среди них — образование, культура, спорт и другие. Так, феномен «мягкой силы» реализуется в рамках образовательной деятельности: представители ряда стран (среди которых имеет смысл отметить США, Китай, страны ЕС) «прекрасно осведомлены о том, что образование является одним из наиболее важных инструментов для достижения в перспективе доминирования на мировой политической арене» (Антюхова, 2019: 10.2: 87). Общая цель реализации «мягкой силы» через ресурсы образования заключается в том, чтобы перенести вполне определенные ценностные и познавательные ориентиры в уже подготовленную «почву» — т. е. в сознание иностранной аудитории. Сюда «вбрасываются» «семена идей и идеалов», а также принципы эстетических и политических ориентиров (Антюхова, 2019: 10.2: 87). На основании образовательных программ, регламентируемых вполне конкретными юридическими нормами (в частности программой Фулбрайта, финансируемой государственным департаментом США), становится возможным реализовывать так называемую публичную дипломатию, выраженную в трансляции механизмов образовательного процесса по всему миру (Антюхова, 2018).

Направления применения «мягкой силы»

Следует говорить о том, что подобная форма публичной политики дает возможность находить методы решения ряда принципиально важных проблем. Так, в США для решения внешнеполитических вопросов в рамках образования используется воздействие «мягкой силы» на движения студенчества. При этом огромную роль в реализации «мягкой силы» через образование играют частные фонды и негосударственные институты. Е. А. Антюхова указывает на десяток

наиболее известных частных фондов, которые практикуют различные направления поддержки студентов, в том числе оказание помощи женщинам с высшим образованием и (или) ученой степенью (предоставляют гранты и стипендии), а также организацию научно-образовательных мероприятий (Антюхова, 2019: 10.2: 89).

Не менее ценным направлением воздействия «мягкой силы» в системе образования следует считать формирование кадрового потенциала — как внутри страны, так и за ее пределами. Частным случаем является образовательная политика Китая, благодаря которой за последние три десятилетия удалось решить проблему низкого качества образования. Ряд исследователей указывают на стратегию увеличения числа образованных сотрудников во всех областях и сферах в Китае (Зуляр, 2023; Сунь, 2025). Были реализованы две известные программы: «Проект 211» и «Проект 985», цель которых состояла в увеличении числа студентов и вузов в стране, а также в увеличении числа иностранных студентов, обучаемых по китайским программам как внутри Китая, так и вне страны (Ло, 2022). Всё это привело к резкому повышению уровня подготовленности специалистов на внутреннем рынке, повышению степени доверия к китайской системе образования, равно как и к политической системе государства.

Вместе с тем следует заметить, что представленные механизмы «мягкой силы» трактуются как традиционные, реализуемые в классическом и современном международном сообществе. Концептуализируется точка зрения, согласно которой эффективность описанных нами методов и приемов не вызывает сомнений, однако говорится о том, что благодаря внедрению в повседневное использование новых технических (в частности электронных) инструментов, реализация «мягкой силы» становится более эффективной.

В условиях цифровой «революции» границы государств оказались размытыми, появилась техническая возможность преодолеть политические и иные границы между странами. Технология «мягкой силы», базирующаяся на трансляции ценностей страны, ее культуры и внешней политики, приобрела новые инструменты воздействия, это — «цифровая дипломатия, (интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей или Web 2.0 дипломатия), то есть использование Интернета и информационно-коммуникационных сетей для решения дипломатических задач» (Алешкина, 2018: 18.1: 144). В цифровом обществе важен транзит от государственных институтов к негосударственным, что детерминировано использованием интернет-технологий и развитием виртуальных способов трансляции информации. Отметим, что принципиальным оказался тот факт, что «мягкая сила» в условиях цифровой среды реализуется в так называемой цифровой дипломатии, т. е. такой форме дипломатии, которая фундируется цифровыми способами влияния и трансляции информации. Так, механика ее распространения в США представлена аккумуляцией либертарианских сил в цифровой среде, что позволяет транслировать соответствующие ценностные ориентации на просторах глобальной сети.

Цифровая дипломатия как форма проявления «мягкой силы» в цифровом обществе обладает важными преимуществами. К таковым ученые относят «расширение присутствия в социальных сетях и доступный Интернет, в который входит разработка технологии для обхода цензуры; распространение демократии через обучение представителей оппозиции авторитарных стран работать в социальных сетях, а также внедрение мобильной связи, с помощью которой можно обмениваться информацией в обход запретов властей» (Алешкина, 2018: 18.1: 144).

Когда образование было наиболее востребованным способом передачи ценностного измерения силы как таковой, оно выполняло поставленные перед ним задачи. Однако сегодня оказалось, что существует два препятствия, затрудняющие использование образовательных технологий и, как следствие, снижающие эффективность применения «мягкой силы». К таковым имеет смысл отнести наличие внутри каждого конкретного государства комплекса идей и ценностей, которые транслируются через систему образования. Именно это определяет становление и сохранение единства идейно-идеологического ценза в структуре мировоззрения общества и государства. Принципиальной оказывается потребность государств в транслировании контента, позволяющего передавать и закреплять в мировоззрении потребителей ценности, свойственные образу жизни конкретного государства.

Вхождение в государственную систему обучения со стороны довольно затратно финансово и требует весьма внушительных временных инвестиций. В связи с этим проблеме составляют материальные и иные затраты, которые необходимо вкладывать в продвижение классической «мягкой силы». Использование цифровой дипломатии как варианта данной формы влияния дает возможность минимизировать различные формы затрат. Кроме того, получение информации в цифровой форме предполагает облегченный способ обхода и минимизирования цензуры, «стоящей» между источником и потребителем информации. Различные электронные ресурсы дают возможность обойти классические запреты, что делает более эффективным влияние на потребителей информации.

«Мягкая сила» в цифровой реальности

Ценность цифровой дипломатии как формы проявления «мягкой силы» определяется использованием в первую очередь

социальных сетей, которые представляют собой ключевой канал объединения молодежи. Влияние на последнюю оказывается едва ли не определяющей целью общественной дипломатии: цифровые ресурсы зарубежных стран становятся, по версии ряда исследователей, платформами пропаганды ценностей недружественных государств и их идеологии (Глебова, Воробьев, Хабибрахманова, 2024; Мусаева, 2019).

Интересно отметить, что цифровое общество, благодаря символическому сетевому капиталу новой культуры, позволяет формировать принципиально новую природу «мягкой силы». Созидающие методики реализации «мягкой силы» ориентированы в первую очередь на формирование привлекательного образа коллективного *Мы*. Однако технологии интернет-коммуникации придают данной форме влияния порой инверсионный характер: возможна реализация негативных форм и способов «мягкой силы», формирующих общественное мнение, как отмечается в научной литературе (Рейнгольд, 2006). В системе негативных методик данной силы создается негативный образ *Другого* как врага. Полагается идея о том, что противник имеет некоторое *Я*, которое необходимо очернить и использовать полученный эффект для создания позитивного собственного образа. Это выражается в том, что в ряде случаев «мягкие» признаки и характеристики ресурса влияния утрачиваются и заменяются на более или даже совсем «жесткие» инструменты влияния. В частности, Г. Рейнгольд высказывает утверждение о том, что организация массовых акций через социальные платформы и мессенджеры может находиться в пределах от достаточно позитивных воздействий до весьма негативных. К первым следует отнести акции, направленные на созидательную деятельность, создание позитивного образа/актора, укрепление доверия и добрососедства. Частным примером является организация

дней Италии в Москве, франкофония в различных ее вариациях. Ко вторым Г. Рейнгольд откровенно относит деструктивные, организованные извне, в том числе включающие противостояние правоохранительным органам (Рейнгольд, 2006). Например, события «арабской весны» или протесты в Гонконге в 2019 г. Так, протесты в Гонконге координировались через Telegram-каналы, что делалось для того, чтобы активисты знали, где может потребоваться их помощь. Некоторые каналы создавались для единственной цели — следить за действиями полиции. Кроме того, другие соответствующие каналы использовались для трансляции профессиональной медицинской информации, а также решений со стороны юристов, которые консультировали протестующих. Также участники могли голосовать за последующие решения по действиям, реализуемым в ходе протестов. Официальные лица данной социальной сети (мессенджера) жаловались на DDOS-кибератаки на серверы компании в «самые горячие дни в Гонконге».

Историю «горячих дней» в Гонконге 2019 г. можно интерпретировать вполне определенно: «мягкая сила» как форма влияния на поведение человека и его менталитет плавно перетекает в область интернет-технологий и ряда социальных сетей, которые используются для влияния на поведение человека. При этом отметим возможность негативного влияния на субъекта-интерпретанта и отказ от фиксации географического места, из которого осуществляется воздействие (Абрамов, 2006). Более того, ряд косвенных данных подтверждает, что крайне сложно определить личность субъекта, оказывающего влияние: анонимность и способы шифрования данных способствуют сокрытию дистанционного источника.

Справедлива мысль Г. Рейнгольда о том, что социальные сети и мессенджеры ускоряют мобилизационные процессы, результатом чего становится так называемая *умная*

толпа. Это понятие образно выражается так: «Умные толпы состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления. Переносные устройства соединяют их владельцев как с другими информационными устройствами поблизости, так и с телефонами других людей» (Рейнгольд, 2006: 8). Обозначенные свойства «умной толпы» делают ее восприимчивой к тем формам и способам трансляции информации, которые передает запрограммированный контент, действительно необходимый политическим элитам и ценный для них. Наличие у реципиентов мобильных технических устройств дает возможность проводить желаемую политику через «мягкую силу» достаточно эффективно и быстро.

Содержание «умной толпы» включает описание самоструктурирующейся социальной организации, основанной на использовании высоких технологий. Главный признак — способность действовать согласованно благодаря средствам массовой информации и информационно-коммуникационным системам.

На примере анализа феномена электронного аукциона eBay Г. Рейнгольд демонстрирует, как социальные сети дают возможность согласовывать взаимодействие между участниками любого коммуникационного процесса. Такое взаимодействие основывается на совместных и взаимных оценках качества общения. В свою очередь, полученные оценки становятся основанием для имиджа субъектов коммуникации, формирующего социальную репутацию и доверие к субъекту цифровой коммуникации (Рейнгольд, 2006).

Предложенная точка зрения позволяет говорить о том, что в рамках политической цифровой коммуникации действует *аргумент по аналогии*. Точно такие же принципы

доверия и формирования позитивной репутации создают возможность для продвижения на политическом уровне необходимых идей. Образовательные технологии, реализуемые в цифровом формате, традиционные средства массовой информации, переведенные в цифровой формат, предполагают необходимость влияния, основанного на репутации лидеров мнений как на политическом ресурсе конкретного государства. Важно понимать, что цифровая дипломатия как средство влияния зиждется на репутационном капитале, что делает ее фундаментом «мягкой силы» в цифровой среде.

Особое место в трансляции «мягкой силы» следует отвести феномену киберсимулякров, сущность которого заключается в создании образов-подделок, по своему содержанию не имеющих ничего общего с реальным положением дел. Формируется определенный образ, который выгоден тем, кто его транслирует. В научной работе А. В. Агеевой и Г. В. Красноцветова приводится ряд политически ангажированных примеров, анализ которых позволяет говорить о внедрении в общественное сознание готового оценочного нарратива с ценностными окрасками. В качестве отправной точки воздействия используются резонансные события, к ним добавляются оценочные, ничем не подтвержденные высказывания (Агеева, Красноцветов, 2020). Полученный нарратив демонстрируется через социальные сети и иные каналы массовой (в первую очередь цифровой) коммуникации, так формируются образ врага и образ друга. Перед нами классический пример использования политического антипиара как средства формирования негативного образа конкурента. Вопрос ставится не об ангажированности журналистов, которые проводят расследование, а о том, насколько открытые цифровые источники фальсифицируемы и компрометируемы. Как следствие, получаемое финальное отношение к поступающей информации, образу детер-

минируется не интерпретатором, подающим информацию, а скорее доверием к первоисточнику, на который оказывается первоочередное влияние.

Не менее интересной формой проявления «мягкой силы» в цифровой среде следует считать цифровую стигматизацию, суть которой заключается в создании маркеров на конкретного субъекта политических отношений (Володенков, Федорченко, 2018). Появляется возможность не только маркировать конкретного оппонента, явление или ситуацию, но также и фиксировать, и сохранять поддержку этого маркера. Частным примером такой формы «мягкой силы» имеет смысл считать введение в ряде государств специального электронного раздела (обозначенного как «фейки») для контроля за новостными ресурсами внутри информационного поля государства. Как показывают А. В. Агеева и Г. В. Красноцветов, данный метод имеет две противоположные формы реализации. Во-первых, конкретное государство борется против симулякров и фейковой информации о деятельности государственных структур. Во-вторых, государство использует фейковые новости в целях дестабилизации политической силы в иной стране и государстве (Агеева, Красноцветов, 2020). Вывод очевиден: представленные методы «мягкой силы» являются средствами борьбы с привлекательностью образа конкурентов как политических субъектов. Негативные средства направлены на нивелирование позитивного и привлекательного образа и преднамеренное создание отталкивающего образа коллективного «они». Через его конструирование появляется возможность создать собственное позитивное *Мы*, выгодно отличающееся от созданного образа «они». Частным примером такого метода воздействия служит следующий факт: «Журналисты подсчитали, что за время избирательной кампании Дональд Трамп сделал в два раза больше твиттов, чем Х. Клинтон, которая

убеждена, что лживая информация о ней, распространенная через Фейсбук¹, стала одной из главных причин поражения» (Алешкина, 2018: 18.1: 147). Данному примеру подобен феномен позитивной информации, размещенной в социальных сетях. Так, И. Маск (Elon Musk) демонстрирует ряд технических изделий (скафандры и ракеты), созданных его компанией; и утверждает, что они могут быть использованы для колонизации планеты Марс. Однако следует понимать, что перед нами — цифровая форма информации о так называемых товарах двойного назначения, которые могут быть использованы как в гражданской сфере, так и в военной. Образ данных товаров может считаться формой продвижения достижений не только отдельных инвесторов и глав компаний, но также и государств.

Вместе с тем следует говорить о некоторых потенциальных последствиях всей совокупности негативных методов реализации «мягкой силы» в цифровой среде. Интернет-троллинг, сетевое хулиганство, иные формы социальной провокации приводят к необходимости обращения к «эпичному троллингу» как новой форме политической коммуникации (используемой в цифровой среде) (Сурма, 2015). Используются провокационные хэштеги, призванные привлечь внимание к малозаметным и порой бесполезным для анализа событиям. Подобного рода действия, с точки зрения ряда исследователей, способствуют падению политической культуры, в том числе в дипломатических ведомствах, предполагающих высокие стандарты моделей отношений.

Заключение

В целом можно говорить о том, что «мягкая сила» в современных условиях цифрового взаимодействия реализуется в сетевых формах интеракции через ресурсы социальных сетей. Современные технологии позволяют транслировать позитивный образ ценностей и создавать и использовать негативный образ соперника/противника/конкурента в политической среде.

«Мягкая сила» в современном мире превратилась в многомерный и сложный инструмент влияния, затрагивающий все сферы общественной жизни. Как было показано, ее магистральные направления затрагивают многочисленные сферы — от культуры и образования до технологий и туризма, — что открывает возможности для формирования новой архитектуры международных отношений, где привлекательность и убеждение играют не меньшую роль, чем традиционные рычаги власти. При этом важно понимать, что «мягкая сила» не заменяет «жесткую», а дополняет ее, создавая более сбалансированный и эффективный арсенал внешнеполитического влияния.

Перспективным для научного сообщества представляется выяснение эффективности конкретных кейсов применения «мягкой силы» в регионах и сферах общественной жизни. Целесообразно с этой целью определять степень аутентичности посылки масштабу вложенных ресурсов, соответствие заявленных ценностей реальной повестке и возможность создания новых устойчивых связей между субъектами.

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в России.

Список литературы и источников / References

- Абрамов Р. Н. «Мобильные коммуникационные технологии и повседневность: Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.». *Журнал социологии и социальной антропологии* 9.4 (2006): 185–192. EDN: MUKHWN.
- Abramov R. “Mobile Communicative Technology and Everyday Life: Howard Rheingold’s ‘Smart Mobs’”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology* 9.4 (2006): 185–192. (In Russian).
- Агеева А. В., Красноцветов Г. В. «„Мягкая сила“ в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий интернет-коммуникаций». *Власть* 28.2 (2020): 96–100. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7140>. EDN: YDXBLC.
- Ageeva A. V., Krasnotsvetov G. V. “Soft Power in Online Space: Practical Experience of Online Communication Technologies Application”. *Vlast' = The Authority* 28.2 (2020): 96–100. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7140>
- Алешкина Н. С. «„Цифровая дипломатия“: новые инструменты „мягкой силы“». *Вестник Поволжского института управления* 18.1 (2018): 143–150. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-143-150>. EDN: YUGKKS.
- Aleshkina N. S. “ ‘Digital Diplomacy’: New Tools of ‘Soft Power’ ”. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration* 18.1 (2018): 143–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-143-150>
- Антохова Е. А. «Образование как „мягкая сила“ в современных зарубежных и российских политологических исследованиях». *Вестник ВолГУ сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения* 23.4 (2018): 197–209. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>. EDN: XWHHVR.
- Antyukhova E. A. “Education as a Soft Power in Modern Foreign and Russian Politological Research”. *Vestnik VolGU ser. 4 Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations* 23.4 (2018): 197–209. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>
- Антохова Е. А. «Фактор образования в „мягкой силе“ США, Китая и ЕС: Сравнительный анализ». *Сравнительная политика* 10.2 (2019): 86–98. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018>. EDN: BHMSPE.
- Antyukhova E. A. “Factor of Education in Soft Power of the United States, China and the EU: A Comparative Analysis”. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia* 10.2 (2019): 86–98. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018>
- Володенков С. В., Федорченко С. Н. «Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества». *Социологические исследования* 11 (415) (2018): 117–123. <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>. EDN: VNKCRX.
- Volodenkov S., Fedorchenko S. “Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 11 (415) (2018): 117–123. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>
- Глебова И. С., Воробьев А. А., Хабибрахманова Р. Р. «Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая: мифы и реалии». *Казанский социально-гуманитарный вестник* 1 (64) (2024): 51–61. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.51-61>. EDN: TQJFIT.
- Glebova I. S., Vorobiev A. A., Khabibrakhmanova R. R. “Modern Values of Generation Z in a Comparative Analysis of the Youth of Russia and China: Myths and Realities”. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik = Kazan Socially-Humanitarian Bulletin* 1 (64) (2024): 51–61. (In Russian). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.51-61>
- Зуляр Р. Ю. «Обзор деятельности институтов государственной молодежной политики Китая на современном этапе». *Российско-китайские исследования* 7.4 (2023): 397–405. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).397-405](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405). EDN: MKTFJC.

- Zulyar R. Yu. "Review of State Youth Policy in China at the Present Stage". *Rossiysko-kitayskiye issledovaniya = Russian and Chinese Studies* 7.4 (2023): 397–405. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).397-405](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405)
- Лебедева М. М. «„Мягкая сила“: понятие и подходы». *Вестник МГИМО-Университета* 3 (54) (2017): 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>. EDN: ZAOVVX.
- Lebedeva M. M. "Soft Power: the Concept and Approaches". *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations* 3 (54) (2017): 212–223. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
- Леонова О. Г. «Джозеф Най и „мягкая сила“: попытка нового прочтения». *Социально-гуманитарные знания* 1 (2018): 101–114. EDN: YPLPTX.
- Leonova O. G. "Josef Nye and 'Soft Power': An Attempt to Read it Again". *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge* 1 (2018): 101–114. (In Russian).
- Ло М. «Современные системы социального управления молодежью в Китае». *Вестник Московского университета сер. 18 Социология и политология* 28.4 (2022): 277–292. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-277-292>. EDN: TNTYWF.
- Luo M. "Modern Systems of Social Management for Adolescents". *Vestnik Moskovskogo universiteta ser. 18 Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin ser. 18 Sociology and Political Science* 28.4 (2022): 277–292. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-277-292>
- Мусаева Г. К. «Цифровая дипломатия США как инструмент „умной силы“». *Научно-методический электронный журнал «Концепт»* 4 (2019): 159–165. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-13022>. EDN: BUGNУX.
- Musaeva G. "US Digital Diplomacy as an Instrument of 'Smart Power' ". *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Koncept" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"* 4 (2019): 159–165. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-13022>
- Наумов А. О., Белоусова М. В. «Эволюция концепции “мягкой силы” Дж. Найа: от рождения идеи до наших дней». *Вестник Московского университета сер. 21 Управление (государство и общество)* 2 (2022): 3–21. EDN: ITPPNG.
- Naumov A. O., Belousova M. V. "The Evolution of the Soft Power Concept by J. Nye from Its Formation to the Present Day". *Vestnik Moskovskogo Universiteta ser. 21 Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin ser. 21 Public Administration* 2 (2022): 3–21. (In Russian).
- Рейнгольд Г. *Умная толпа: новая социальная революция*. [Пер. с англ. А. Гарькавого]. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 415 с.
- Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Basic Books, 2002. 266 p.
- Сунь М. «Ценности в жизненном пространстве современного Китая». *Гуманитарный вектор* 20.1 (2025): 147–153. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153>. EDN: WTAPIE.
- Sun M. "Values in the Living Space of Modern China". *Gumanitarnyy vektor = Humanitarian Vector* 20.1 (2025): 147–153. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153>
- Сурма И. В. «Цифровая дипломатия в мировой политике». *Государственное управление: Электронный вестник* 49 (2015): 220–249. EDN: TTGYMJ.
- Surma I. V. "Digital Diplomacy in Global Politics". *Gosudarstvennoye upravleniye: Elektronnyy vestnik = E-Journal Public Administration* 49 (2015): 220–249. (In Russian).

Информация об авторах

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкого (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), *nickravochkin@mail.ru*, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Красиков Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, 117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1), *krasvladiv@gmail.com*, SPIN-код: 5959-4314.

Авторский вклад

Равочкин Н. Н. — изучение концепции; формализованный анализ данных; обеспечение ресурсами; критический анализ и доработка текста.
Красиков В. И. — научное руководство; курирование данных; подготовка начального варианта текста.

Information about the authors

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya st., 28); Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5), *nickravochkin@mail.ru*, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Vladimir I. Krasikov — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Russia, 117638, Moscow, Azovskaya st., 2 bldg. 1), *krasvladiv@gmail.com*, SPIN code: 5959-4314.

Author Contributions

N. N. Ravochkin — concept study; formalized data analysis; resources provision; writing — text critical analysis and revision.
V. I. Krasikov — scientific guidance; data curation; writing — initial text preparation.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026, одобрена после рецензирования 14.04.2026.
The article was submitted 13.03.2026, approved after reviewing 14.04.2026.